

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71295

Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»

Лочмелис Елизавета Романовна

ORCID: 0009-0004-0395-5483

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.
В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ dostfm182181@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71295

EDN:

NFKABE

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

19-08-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению тех признаков жанра литературной баллады, которые нашли свое отражение в песнях группы «Король и Шут» (автор текстов — Андрей Князев). Это, в частности, ситуация столкновения человека с иномирными сущностями, когда персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия. Кроме того, в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода (происходит инверсия мотива). В ряде песен группы «Король и Шут» действие, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, а сами события развиваются динамически за счет диалогов между персонажами текстов. Методологическая основа: творчество панк-группы «Король и Шут» рассматривается с опорой на

литературоведческую методологию (анализируются тексты песен, выявляются жанровые признаки, позволяющие отнести их к литературным балладам). В заключении статьи автор приходит к следующим выводам: рок-поэт обращается к романтической балладе ввиду кризисности своего мироощущения, поскольку этот жанр несет в себе элегическую тональность, а также мотив трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя, который оказывается внутренне соприроден миру «страшной сказки», выходцем из которой он и предстает на сцене. Научная новизна статьи связана, прежде всего, с предметом исследования: показано, что панк-рок не входит в разрыв с традицией, а, напротив, опирается на нее и сохраняет константные признаки жанра баллады, открывает скрытую тягу к культурному диалогу и встраивается в традицию. Таким образом, исследование вносит вклад в изучение русской рок-поэзии как феномена современности, а также углубляет понимание механизмов того идейно-тематического и культурного диалога, в который рок-поэт вступает с предшествующей ему классической традицией.

Ключевые слова:

баллада, романтизм, трансформация жанра, жанровые признаки, панк-рок, рок-поэзия, обряды перехода, инверсия, литературная баллада, романтическая баллада

В данной статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после — доказать, что в творчестве «Короля и Шута», а также групп, ориентирующихся на «КиШ», заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм.

Литературный жанр — понятие, подразумевающее определенное формально-содержательное единство целого комплекса структурных элементов текста, что обуславливает, с одной стороны, его устойчивость, даже инертность, а с другой — подверженность разного рода трансформациям^[1]. Последнее приводит к тому, что одно и то же жанровое обозначение может охватывать широкий спектр явлений, варьирующихся на разных этапах историко-литературного процесса, что хорошо видно на примере баллады, установление жанровых границ которой всегда представляло известную сложность, о чем свидетельствует следующее замечание Мерзлякова: «<...> мы просим <...> определить нам, что такое баллада, имеет ли она правила и границы <...>»^[2, с. 188]. Ср.: «...таинственный вид стихов, и известный в Англии как традиционная баллада»^[3].

Прежде чем переходить к анализу рок-баллад, представляется правильным выявить тот спектр как формальных, так и содержательных характеристик, которые препятствуют окончательному разрушению этого жанра, поскольку категории жанра присущи «исторические конвенции» — «комплекс норм и правил игры», сообщающих, каким образом читателю «следует подходить к данному тексту», и «тем самым обеспечивающих понимание этого текста»^[4, с. 186].

Так, русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант^[5], — «затейливый»^[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»^[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского и Э. Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма.

Романтическая баллада — небольшое сюжетное стихотворение с динамичным развитием действия, в основе которого лежит необычный случай (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего ^[6]) Англо-шотландская и близкая ей немецкая разновидности баллады (в отличие от французской, связанной со «строгой строфической формой» ^[7, с. 35]) характеризуются с овмещением лирического («отказ от безличного в пользу личного повествования» ^[7, с. 38]), эпического (сюжетность, наличие персонажей) и драматического (диалогические реплики, играющие важную роль в сюжетостроении; позднее — отделка речевого портрета персонажей) начал (см. подробнее работы Боровской ^{[8], [9]}). Опора на диалогические построения и вопросно-ответную структуру в целом ведет к усилению динамики и напряженности действия.

В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключать из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического» ^[10, с. 4] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с долитературными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество “КиШа” одним словом — сказки...» ^[11, с. 1]

Так, центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами) ^[3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи ^[12, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто — мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина) попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия.

Неслучайно поэтому то, что в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода. Невеста не оживает в новом статусе, вместо свадебного обряда конструируется похоронный, и дом подменяется могилой: «Дом твой — гроб; жених — мертвец» ^[13, с. 13], то же и у Катенина: «— “Дом — землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”» ^[14, с. 94].

Описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут». Действие в них, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье. Сюжетная ситуация излагается лапидарно. Язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады ^[15, с. 71]. Действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен.

Так, в песне «Фред» главный герой отправляется чистить свой колодец, в котором находит скелет, наряженный в «девичье платье» ^[16], и «зачем-то» ^[16] относит его домой. Колодцы в фольклоре традиционно связываются со «смертью, переходом в другой мир» ^[17], а также с мотивом «перерождения в новом качестве» ^[17] (часто герои по возвращении становятся лучше, краше), здесь же мертвая переносится в мир живых, а «мертвый жених» заменяется «невестой». Важно отметить негативно окрашенную семантику деталей (грязный колодец, «мутная вода» ^[16]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги

, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»^[16]). Традиционный для волшебной сказки и мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»^[16]), возвращающей зачарованную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плоть обрастала»^[16] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»^[16]

Другим «проходом» в мир мертвых в сказках традиционно выступает избушка на курьих ножках — жилище Бабы-Яги, старой ведьмы-каннибалки^[18], локализованное на границе с «темным лесом» (потусторонним царством). Тот же локус инверсированно воссоздан в песне «Верная жена»: «Дождливой ночью парень, выбравшись из леса, / Вдруг одинокую избушку увидал»^[19]. Герой направляется не в лес, а из него и надеется переночевать в избе, дверь ему открывает «старуха дряхлая»^[19] и, ни о чем не расспрашивая, впускает в дом, готовит постель и «сытно»^[19] кормит (мотив переодевания и принятия пищи как часть обряда перехода). Ночью странник просыпается оттого, что слышит громкий стон из подвала (локус, функционально и символически эквивалентный могиле), и спрашивает старуху: «Скажи мне, бабушка, что за шум?»^[19] Она отвечает, что в подвале «по ночам поет» дух ее «покойного деда»^[19]. Герой решает спуститься в подвал и изгнать злого духа, а старуха закрывает ведущую туда дверь. Вскоре из подвала раздается «крик предсмертный»^[19] и чавканье «страшного деда»^[19]. В отличие от сказки или, к примеру, песни «Садовник», рассказывающей о юноше, которого сестры заставили отправиться за цветами в чужой сад: «Братец, в сад чужой, ты, пойдя, пойдя / И чужих цветов ты нам принеси»^[20] (повторяющийся эпитет «чужой» маркирует наличие запрета, нарушение которого приводит героя к смерти), в песне «Верная жена» запрет нарушается как бы невольно. Старуха не сама съедает путника, однако не запрещает ему спуститься вниз, хотя и знает, что «каждый норовит нос сунуть в <...> подвал»^[19]. Таким образом, добро в тексте не торжествует над злом — старуха становится причиной смерти героя, однако она действительно оказывается «верной женой» своему мужу, несмотря на то что сама его сгубила.

Заколдованный лес является основным местом действия многих других текстов «Короля и Шута», так, в нем локализованы (или с ним связаны) сюжеты песен «Лесник»^[21], «Охотник»^[22], «Медведь»^[23]. Перечисленные тексты отмечены диалогической структурой (включением прямой речи персонажей), а также сохранением фабулы, то есть представляют собой сюжетные произведения, действие которых развивается в сказочном пространстве условного европейского Средневековья (охотника, например, зовут Себастьян, а горбун — из песни «Вдова и горбун»^[24] — Иоганн). Кроме того, песни наполнены фольклорными, мистическими и подчас пугающими мотивами.

Сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»^[21] и что он любит «подкармливать волков»^[21]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»^[21] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотношенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически незапной — лесник возвращается с «ружьём наперевес» и объявляет: «Друзья хотят пок

ушать, / Пойдем, приятель, в лес!»^[21]

Интересно, что тот же прием использован и в песне «Ели мясо мужики», рассказывающей о конюхе, который пригласил на ужин любовников своей жены и, притворившись веселым и радушным хозяином, угостил их мясом. Однако пирующие и пьяные мужики не могли и даже предположить того, что конюх убил и изжарил собственную жену, оттого и не понимали, о чем в действительности говорил упрекавший их человек: «Я за ней не уследил — в том моя вина, / Но скажите, правда вкусная она?»^[25]

Похожий хронотоп воссоздан в тексте песни «Тайна хозяйки старинных часов»^[26]: «покупатель старинных часов»^[26] случайно попадает в древний особняк, «укрывшийся среди жутких лесов»^[26], и находит часы, стрелки которых «замерли <...> сто с лишним лет назад»^[26]. Гость остается переночевать и тайно читает часы («...древнюю вещь ото сна пробудил»^[26]), после чего хозяйка начинает стареть и наконец обращается в прах.

Мотив остановившегося времени, или сна, подобного смерти (известен по таким сказкам, как «Спящая красавица» Шарля Перро, «Спящая царевна» Жуковского, «Белоснежка» братьев Гримм и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина), встречается и в песне «Рыбак». Ее сюжет рассказывает о том, как рыбак заснул в лодке и не заметил, что «на воду лег туман»^[27], заставивший его плыть домой «наугад»^[27]. Возвратившись домой, рыбак обнаружил, что «часы стоят»^[27], «мухи в воздухе висят»^[27], а сын «стоит, разинув рот»^[27], и «в прыжке со стула замер кот»^[27].

Хендерсон в своей классификации традиционных для английской баллады тем и мотивов выделяет следующие: *несчастливая любовь* (связанные с ней мотивы горя, страсти, стремящейся преодолеть все преграды), *любовь к не-людям*, *месть за измену и прелюбодеяние*, *запретная любовь между братом и сестрой*^[3, с. 29-57].

Практически все эти темы и мотивы, за исключением инцестуальной связи, представлены в творчестве группы «Король и Шут», а также в ряде других российских рок-групп. Здесь можно назвать самостоятельный проект Андрея Князева — «КняZz», группы «Rotten Tote n» и «Спектакль Джо».

Из песен группы «Rotten Toten» заслуживают внимания «Торговец волосами», «Мертвый висельник» и «Ужин у вдовы». Последний текст рассказывает о женщине, которая сжила со свету мужа и в полночь принимала в своем доме мертвецов: «От мертвеца на память осталась голова, / Много интересного бы рассказать могла»^[28] и «И каждый вечер, полночь лишь пробьют часы, / К ней в дом приходят выпить чаю мертвецы»^[28].

Группа «Спектакль Джо» возникла после смерти Михаила Горшенева и во многом продолжила традиции «Короля и Шута». В частности, интересны песни «Принцесса фей» (о связи человека с принцессой фей) и «Портрет», сюжет которой рассказывает о том, как портрет старика ожил и заговорил, заставив лирического героя шагнуть в картину и обменяться с ним местами: «Только фокус мой не в этом, будешь ты теперь портретом, / А я жить буду дома твоего»^[29].

Мотив любви к созданию иного мира присутствует в таких песнях «Короля и Шута», как «Та, что смотрит из пруда» и «Девушка и граф».

В первом тексте переход границы описывается классически: русалка «уводит» на дно ху дожника, который «тосковал о чем-то своем»^[30], тот «погружается в вечный сон»^[30]. Од

нако, вопреки фольклорной традиции, вредительство русалки оказывается ненамеренным — она начинает плакать и спрашивать: «Ах, зачем же умер он?»^[30] (реплика построена так, точно русалка удивлена тем, что оказалась причастна к смерти художника, и не желала ее).

В песне «Девушка и граф» сюжетная ситуация связана с тем, что «прекрасная дама», мечтающая обрести бессмертие, прогуливается с графом по залитой лунным светом аллее парка, в отдалении, во мгле, виднеются «очертания замка»^[31]. Граф, очевидно, является вампиром: несмотря на то, что это не утверждается прямо, его характеристика постепенно складывается в целостный образ. Прежде всего сам выбор дворянского титула определяет ассоциативный ряд и отсылает к прецедентному имени: граф — граф Дракула (герой одноименного романа Брэма Стокера, хотя сюжет был широко известен и ранее, см., например, «Сказание о Дракуле воеводе» Федора Курицына, написанное в конце XV в.). Далее по косвенным характеристикам воссоздаются и другие детали образа, в массовом сознании связанного с готическим романтизмом: считается, что вампиры обладают особым магнетизмом и притягательностью («Девушка графа очень нежно обнимала»^[31], «Какой у вас глубокий взгляд, как он влечет и манит! / Я не могу себя понять: меня к вам сильно тянет. / Вы так таинственны, заморозили вы меня, / И в вашей власти плоть и кровь моя!»^[31]), являются ночными, питающимися кровью созданиями, чье бессмертие обрекает их на вечное одиночество («...граф всегда один под леденящим сводом тьмы»^[31], «Утро станет сном, и будет вечно длиться ночь!»^[31]), а потому начинает осмысляться как проклятие («О, сколько их, готовых кровь отдать за наслажденье!»^[31]).

Мотив мести за измену представлен в песне «Ведьма и осел», которая построена как монолог лирической героини — ведьмы, с «нелегкой судьбой»^[32], чья любовь «на беду <...> обречена»^[32]: «В детстве цыганка мне одна предсказала, будто я / Если сильно полюблю, то любимого сгублю, / Что измены не прощу и жестоко отомщу: / Не специально, но со зла превращу его в осла»^[32]. Несмотря на то что сюжет имеет трагическое завершение (осел решил «приблизить свой конец»^[32], «что-то выпил, что-то съел и, бедняга, околе»^[32]), воспринимается он как почти комическая история в силу того, что нарушается читательское ожидание: оказывается, что героиня в действительности недолго ревновала и делала все возможное, чтобы «как-нибудь облик милого вернуть»^[32].

В «Кукле колдуна», одной из известнейших песен группы «Король и Шут», именно трагически завершившаяся любовь (несмотря на предупреждения героя, девушка стала жертвой, «невольницей» колдуна, который заставляет «охотиться на людей»^[33]) толкает героя на попытку рискнуть и разрушить темные чары: «Много книжек я читал, / Много фокусов видал / Свою тайну от меня не пытайся скрыть!»^[33] Пространственная организация текста воссоздает несколько наивных клише готического романтизма: герой направляется в комнату своей возлюбленной, тайком пробираясь по «темному, мрачному коридору»^[33] замка или склепа. Единственное, что, как он надеется, способно защитить его, — наперсный крестик («Крестик на моей груди, / На него ты погляди»^[33]), однако финал песни открытый — не вполне ясно, достиг ли герой своей цели, выжил ли он или только успел почувствовать опасность за мгновение до того, как повествование оборвалось: «Все происходит как в страшном сне. / И находиться здесь опасно мне!»^[33]

При этом в творчестве группы «Король и Шут» заметен процесс лиризации и монологизации баллады, сопряженный со снятием ключевой для мифопоэтического сознания оппозиции

ции «свой» — «чужой» и смещением действия и героев в один план. Так, есть тексты, построенные как исповеди героев-злодеев («Некромант»^[34], «Хозяин леса»^[35]), описанных как «мученики своего таланта»^[34], обреченные на «вечную муку»^[35] и «вечную скуку»^[35]; жизнь их «полна страданий»^[34], поскольку они остались людьми только наполовину: «Человек исчез, его больше нет, / А из тела его демон вышел на свет»^[35] или «Наполовину человек — наполовину я мертвец! <...> Я будто волк среди овец»^[34]. То же в песне «Медведь», отмеченной мотивом оборотничества. Пьяный колдун превращает медведя в человека: «Забрали чары / Души покой. / Возник вопрос / — Кто я такой?»^[23]

Внутренний конфликт достигает своего апогея в песне «Отражение»^[36] — водная гладь становится той границей, которую герой намерен перейти: «Против меня восстала сущность моя»^[36] и «Средство есть лишь одно — сгинь на дно»^[36]. Альтер-эго, двойник, «принесший в <...> жизнь страдания»^[36], — тот, «кто пришел из зазеркалья»^[36].

Таким образом, рок-поэт обращается к романтической балладе^[37], поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики, несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть. Отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона.

При этом отмеченная исследователями «периодичность возвращения жанра баллады»^[38, с. 234] и его актуализации во многом обусловлена тем, что поэзия становится средством осмысления ирреального реального, в которое погружен человек XX–XXI вв., а герой баллады оказывается внутренне соприроден ее миру, причастен к нему — к вселенной «страшных сказок», выходцем из которой он и предстает на сцене, — или даже физически в него перемещен, что символически маркирует кризисность мироощущения панк-рок поэта.

Библиография

1. Боровская А. А. Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети XX в. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 210 с.
2. Мерзляков А. Ф. Письмо из Сибири // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 187–188.
3. Henderson T. F. The ballad in literature. Cambridge [Eng.]: The University Press; New York, G.P. Putnam's Sons, 1912. ix, 128 p.
4. Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 333 с.
5. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary contexts. Cambridge: OpenBook Publishers, 2014. xv, 207 p.
6. Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух...»: «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского // Русская литература. 2016. No 2. С. 19–50.
7. Боровская А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
8. Боровская А. А. Диалогизация баллады в русской литературе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 101–107.
9. Боровская А. А. Ролевые баллады в русской поэзии первой трети XX в. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4 (28). С. 102–110.
10. Мухина З. И. Русская литературная баллада 1830-х – 1850-х годов: история и

поэтика жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000. 19 с.

11. Князев А. Король и Шут. Старая книга. М.: Издательство АСТ: Кладезь, 2018. 280 с.

12. Пропп В. Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152 с.

13. Жуковский В. А. Людмила // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. С. 7–13.

14. Катенин П. А. Ольга // Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 91–98.

15. Gummere, F. V. The popular ballad. New York: Houghton Mifflin, 1907. xiv, 360 p.

16. Князев А. С. «Фред» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/fred.html> Дата доступа: 19.07.24.

17. Голубева Е. В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С. 222–225. URL: <https://moluch.ru/archive/10/702/> Дата доступа: 19.07.24.

18. Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2003. 223 с.

19. Князев А. С. «Верная жена» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vernaya-zhena.html> Дата доступа: 19.07.24.

20. Князев А. С. «Садовник» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-gardener-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

21. Князев А. С. «Лесник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/lesnik.html> Дата доступа: 19.07.24.

22. Князев А. С. «Охотник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/ohotnik.html> Дата доступа: 19.07.24.

23. Князев А. С. «Медведь» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/medved.html> Дата доступа: 19.07.24.

24. Князев А. С. «Вдова и горбун» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vdova-i-gorbun.html> Дата доступа: 19.07.24.

25. Князев А. С. «Ели мясо мужики» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-men-were-eating-meat-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

26. Князев А. С. «Тайна хозяйки старинных часов» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/204/> Дата доступа: 19.07.24.

27. Князев А. С. «Рыбак» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-fisherman-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

28. Алексеев Е. («Rotten Toten») «Ужин у вдовы» // URL: https://vk.com/topic-172324813_40190081 Дата доступа: 19.07.24.

29. «Спектакль Джо» «Портрет» // URL: <https://genius.com/Joes-theatre-portrait-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

30. Князев А. С. «Та, что смотрит из пруда» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-she-who-looks-out-of-the-pond-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

31. Князев А. С. «Девушка и граф» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-girl-and-an-earl-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

32. Князев А. С. «Ведьма и осел» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-witch-and-a-donkey-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

33. Князев А. С. «Кукла колдуна» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/666/> Дата доступа: 19.07.24.

34. Князев А. С. «Некромант» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/nekromant.html> Дата доступа: 19.07.24.

35. Князев А. С., Горшенёв М. Ю. «Хозяин леса» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/hozyain-lesa.html> Дата доступа: 19.07.24.

36. Князев А. С. «Отражение» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-reflection-lyrics>

Дата доступа: 19.07.24.

37. Левченко О. А. Русская романтическая баллада 1820—30-х годов: Материалы к библиографии // Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей. Псков, 1994. С. 191–217.

38. Верина У. Ю. Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 229–23

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья написана на актуальную тему (актуальность её, на наш взгляд, определяется необходимостью глубокого научного литературоведческого и лингвостилистического анализа текстов современных песен как исключительно значимого культурно и социально материала), на недостаточно исследованном на сегодняшний день стилистически материале песенных текстов группы "Король и шут". В ней автор предпринимает попытку выявить сюжеты, мотивы и стилистические особенности традиционной русской баллады XIX века, характерные для текстов песен группы, явно носящих стилизационный характер. В ходе исследования сделано несколько важных наблюдений на уровне сюжетного анализа, наиболее интересные из них, на наш взгляд, связаны с мотивом перехода персонажей песен между мирами. Статья в целом написана научным языком, в едином научном стиле (точечные замечания см. далее).

Тем не менее, при общей довольно высокой оценке статьи, мы считаем, что она нуждается в авторской доработке как технического, так и содержательного характера.

1. Если автор берётся говорить именно о стилизации, он должен понимать, что стилизация – явление стилистики, а значит, её маркеры должны обнаруживаться, в первую очередь, непосредственно в тексте, на уровне языка, а не общих сюжетных схождений. Нам кажется, что статья заметно выиграет от более детального анализа именно текстов, их лексических и синтаксических особенностей, значимых в контексте вопроса стилизации. Пока автор пишет, что "язык довольно прост", но ничем не доказывает это положение (не говоря уже о том, что выбранный материал очевидно имеет куда более тонкие и интересные сближения с балладой на языковом уровне, чем общая простота). Конечно, можно отложить анализ такого рода для будущих исследований, но тогда целью статьи не может являться доказательство того, что тексты "Короля и шута" являются стилизацией.

2. Если речь идёт о текстах песен, излишними представляются рассуждения о сериале, посвящённом группе, и – тем более – биографии участников коллектива. Рассуждения автора небезынтересны, но выходят за рамки темы и "выпадают" из текста. Необходимо более обоснованно связать с темой или исключить. Например: "Отражение фронтмена — Горшка — персонифицировано в сериале «Короле и Шут» (одним из продюсеров выступил Андрей Князев, то есть конечный продукт можно считать результатом творческой рефлексии участника группы и автора текстов непосредственно) в виде демонического шута, который появляется тогда, когда Горшок переходит в измененное состояние сознания (алкогольное опьянение или психоделический опыт), в котором и происходят споры с этим «злым двойником», подталкивающим к тому, чтобы уйти из жизни на пике популярности. Такого рода «переключения» между плоскостями — реальной, биографической, рассказывающей о становлении группы, ее развитии,

внутренних конфликтах и, наконец, смерти Горшка, и фэнтезийной (создатели определили жанр сериала как «панк-сказка») — позволяют воплотить на экранах сюжеты таких песен, как «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Внезапная голова», «Ели мясо мужики», «Вдова и Горбун»[24] и др."

3. Несмотря на распространённость сценических имён Горшок и Князь, необходимо указать реальные имена исполнителей при каждом или хотя бы первом упоминании, а не в конце статьи.

4. Ссылки оформлены неверно. Прямые цитаты с указаниями страниц никак не могут ссылаться на разные источники, тем более разноязычные: "В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключить из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического»[8, с. 4],[9, с. 196],[10] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с долитературными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество "КиШа" одним словом — сказки...»[11, с. 1],[12]".

Статья перспективна и может быть принята к повторному рассмотрению после авторской доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русская рок-поэзия достаточно серьезно изучается в рамках литературного процесса второй половины XX века. Много качественных, конструктивных, «сложных» исследований. Стоит отметить, что интерес привлекает все – это и формат, и стилистика, и язык, и смысловые линии, не является исключением жанровая верификация. Собственно на анализ традиции баллады в текстах группы «Король и Шут» и направлена рецензируемая статья. Считаю, что предмет исследования правомерен, при этом он соотносится с одной из рубрик издания. Как отмечает в начале труда автор, «в статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после — доказать, что в творчестве «Короля и Шута» заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм». В работе представлен как теоретический, так и практический уровни. На мой взгляд, неплохо дана справка относительно жанра баллады, уместен т.н. историко-культурный срез. Например, «русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант[4], — «затейливый»[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского из Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма», или «центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами)[3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи[10, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто — мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина)

попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия» и т.д. Как видно, ссылки и цитации даются взвешено, умеренно, при этом верно и точно. Анализ текстов «Короля и Шута» объективен, методологически верен (уровень эмпирики также не следует исключать): «описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», действие которых, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады[13, с. 71], а само действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен...», или «Важным представляется негативно окрашенная семантика деталей (грязный колодец, «мутная вода»[14]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»[14]). Традиционный для волшебной сказки мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»[14]), возвращающей зачарованную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плоть обрастала»[14] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»[14]» и т.д. Считаю, что работа интересна, стиль сочинения ориентирован на нучный тип. Должное внимание автор уделяет сюжетике песен группы «Король и Шут», что в принципе верно. Например, «сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»[18] и что он любит «подкармливать волков»[18]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»[18] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотнесенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически внезапной — лесник возвращается с «ружьем наперевес» и объявляет: «Друзья хотят покушать, / Пойдем, приятель, в лес!»[18]». Но иллюстраций, примеров, собственно самих разборов должно быть больше! Текст желательно увеличить в объеме, не помешает еще и сопоставительная вставка с другими рок-командами, есть ли в их творчестве «балладный реверсив», такой ли он или выглядит иначе. Поэтому в формате рекомендаций говорю относительно этого. В целом же работе отвечает требованиям, она будет полезна для тех, кто изучает историю рок-поэзии, отечественную музыкальную культуру. Выводы по тексту созвучны основному блоку; ряд базовых позиции относительно разверстки темы прописаны: «рок-поэт обращается к романтической балладе[27] (небольшому сюжетному стихотворению с динамичным, напряженным развитием сюжета, в основе которого лежит необычный случай), поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего[28]), несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть, отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона». Таким образом, можно констатировать, что материал актуален, нов, нетривиален, но он нуждается в расширении, дополнении аналитической части. Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» после доработки может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»» выполнена на интересном и неизученном материале – в ней анализируются тексты популярной группы, которые представляют собой небольшие истории, основанные на сюжетах из фольклора, мифов и легенд. Как правило, исследователями отмечается, что они ориентированы на поэтику «страшных сказок», на что собственно и указывал Андрей Князев, но в данной статье они вписываются в иную традицию. Исходный тезис данной работы состоит в том, что в текстах группы выявляются константные признаки жанра баллады и «заметна опора на жанровую традицию и классические образцы». Данное положение последовательно доказывается в ходе анализа, который опирается на серьезную теоретическую базу. Автор статьи выявляет основные признаки жанра, его содержательные и структурные характеристики, чтобы потом атрибутировать их в рок-балладах группы «Король и Шут». В частности, отмечаются такие элементы, как сюжетность, наличие персонажей, совмещение лирического и эпического, диалогические построения и вопросно-ответная структура, встреча с иномирными сущностями, использование обряда перехода. По наблюдениям автора статьи, «инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», а «действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен». Основная часть статьи представляет собой последовательное и системное иллюстрирование этого наблюдения. Анализируются такие тексты группы «Король и Шут», как «Фред», «Верная жена», «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Тайна хозяйки старинных часов» и др. В них рассматриваются хронотоп, трансформация фольклорных элементов, мотив сна, остановившегося времени, мотив ожившего портрета и т.д. Важно, что творчество группы рассматривается в динамике, прослеживается варьирование приемов (например, отмечается процесс лиризации и монологизации баллады, что сказывается на форме текста – появляются исповеди героев-злодеев). Отметим, что автор статьи не только системно рассматривает тексты песен с точки зрения специфики воплощения в них содержательно-структурных параметров баллады, но и выходит на типологические обобщения. Выводы убедительны, их достоверность обеспечивается изучением обширного литературного материала и опорой на классические методы литературоведческого исследования. Список литературы, которым сопровождается статья, состоит в основном из работ А.А. Боровской, текстов группы и исследований о специфике жанра баллады на разных этапах бытования жанра. Думаю, что автору стоит обратить внимание на диссертацию Пивкиной Е.В. «Специфика жанра баллады в отечественной поэзии 1990-2000-х гг.», которая написана на материале, хронологически близком к деятельности группы, что позволит в дальнейших исследованиях вписать баллады не только в романтический историко-литературный контекст, но и рассмотреть своеобразие жанровых поисков авторов песен в синхронии. Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.